

Без названия

Плывет луна, кончается четверг, а где-то там, по улице невзрачной, идет один хороший человек и мандарин несет в руке, как мячик. И он глядит на белую луну, на белый снег, на дом многоэтажный, и он не хочет никуда свернуть, и он уже сливается с пейзажем.

Идет и ничего не говорит, и никого вокруг, и ветер в спину, вот он подбросил мячик-мандарин, вот он его поймал, опять подкинул, и отпустил, разжав свою ладонь, и мандарин летит, летит куда-то, над деревом, над миром, над водой, над нашей жизнью, странной и невнятной.

И дом летит, и век летит, и снег, и этот мандарин, и этот вечер, верни его, чудесный человек, и сам вернись, не исчезай навечно, как эти дни нас давят и дробят, как валят с ног сквозь холода и зимы, нам будет невозможно без тебя, нам будет без тебя невыносимо, кончается четверг и этот год, пройдут дожди, метели, снегопады, на свете все проходит, все пройдет, но пусть не ты, пусть не с тобой, не надо...

Когда-нибудь, во времени другом, не в этом измерении, а в третьем, мы снова сядем за одним столом, легки и беспечальны, словно дети, и этот человек, как по реке, всплывет в наш дом и ни о чем не спросит, и будет мандарин в его руке, и яблоко, похожее на осень.

Говори мне еще

— Все пройдет, перемелется, все непременно пройдет.
Все друг друга поймут, все начнется с другого листа.
И, конечно, простят на сто лет и назад и вперед.
Потому что без этого трудно и каждый устал.

— Говори, говори мне еще, я закрою глаза.
Повторяй эти сказки, пусть голос звучит много лет.
Я когда-то их выдумал сам и себе рассказал.
Я когда-то придумал, как будем мы жить на земле.

А потом все ушло, потому что и сам я ушел.
Потому что, как это ни жаль, нами правит Сизиф.
Потому что нас время стирает в песок, в порошок.
Потому что со временем все превращается в миф.

— Я не верю в разлуку, что всех нас уносит поток.
Я не знаю про мифы, но чувствую каждую боль.
Я хочу верить в то, что никто не уходит, никто.
Это просто, как воздух, как все, что в тебе и с тобой.

— Говори, буду слушать — поляной, летящим лучом.
Этим снегом и ветром, и всем, что умолкло вдали.
Где-то в Питере дождь, кто-то нынче летит под дождем.
Тоже слышит тебя, хоть уже далеко от земли.

Говори, я хочу это слышать, раскачивать дни,
будто сны в колыбели в рождении нового дня.
Те, в ком спрятано небо, уже не бывают одни.
Потому что их неба у них невозможно отнять.

Говори, я сегодня рассеян на тысячу лет.
Говори сквозь дожди и ветра над замерзшей Невой.
Я когда-то придумал, как будем мы жить на земле.
Я хочу видеть небо и слышать дыханье его.

Мальчик с красным портфелем

И он вспоминал мальчика с красным портфелем,
которого он провожал в школу.
В вязаной шапочке,
бледного мальчика,
школа рядом, но путь так долог,
вон это скучное серое здание.
Мальчик просил: «Не провожай меня,
можно я сам, я не потеряюсь»,
и сжимал в кулак холодные пальцы,
и думал, вот, наконец, потеряться бы,
спрятаться (держит кулак в кармане),
где-то ведь есть инопланетяне,
окунуться совсем в другое пространство —
был бы день ненапрасный.

А он не знал, он провожал его в школу,
по выходным покупал пепси-колу,
жвачку с наклейкой, вредные чипсы,
спрашивал про замечанья учительницы,
смотрел в дневник,
задерживал шторы,
спи, завтра утром поедем в город.

...Это так, по-другому никак не свяжется.
Он сидит в его комнате, дверь открыта.
Он сидит молчаливый, седой, небритый.
Вспоминает мальчика с красным ранцем.

Видимо, что-то недообъяснил.
Не вложил, не вдолбил, недосторожил.
Не разглядел, ничего не понял.
А теперь вот тени, пустые дни.
А теперь сиди.
Отключайся.
Жди.
Выходи за дверь на дорогу в поле.

Лампа мигает и тень везде.
Гаснет и тут же опять горит.
Дверь открывается в космос, дед.
Дверь открывается изнутри.

Кошка — не кошка!

Кошка немножко все же не кошка.
Кошка — не кошка! Я не шучу.
— Здравствуйте, кошка!
— Здравствуйте тоже.
— Кушать хотите?
— Кушать хочу.
— Я накручу вам салат из капусты.
Суп из капусты. Капустный обед.
Кошка летит, и качается люстра.
Кошка летает сама по себе.
Кошку нельзя сделать тише и краше.
Прыгая, мне говорит на ходу:
— Знаете, Маша. Пошли бы вы, Маша,
С вашей капустою в Караганду.

Сказка про Великана

Жил-был на свете великан, но не обычный Великан, а великанский Великан, всем великанам Великан.

Он упирался в облака своей огромной головой и доставал до них рукой — и так бывало с ним порой.

И он такой великий был, что всех на свете он любил, любил цветы и разных птиц, больших и маленьких девиц, старушек, старичков, детей, всех рыбок всяческих мастей, русалок, дворников, пичуг, и даже змей (совсем чуть-чуть), лошадок, страусов, ежей, собак, медведей и моржей, деревья, горы и грозу, и муравья, и стрекозу,

укроп, петрушку и кинзу, капусту, щавель и козу — ну вот таким он добрым был, на все ему хватало сил, и даже то, что не любил — немножко все-таки любил.

Одна печаль была в груди: ты Великан, живи один — и так он жил совсем один, и никому не навредил, и никого не повредил, и никого не погубил, и никого не раздавил.

А так хотелось всех обнять, и поиграть в начале дня, и пожалеть, когда темно, и побаюкать перед сном...

Он был велик, а мир был мал, но он желал — желал — желал всех на ладони разместить, к себе прижать и защитить; рукой, большой, как белый свет, погладить всех по голове:

цветы и всяких разных птиц, больших и маленьких девиц, старушек, старичков, детей, всех рыбок всяческих мастей, русалок, дворников, пичуг, и даже змей (совсем чуть-чуть), лошадок, страусов, ежей, собак, медведей и моржей, и муравья, и стрекозу, и даже хмурюю грозу, и даже грозную козу, и даже вредную осу — но как?!.. об этом он не знал...

Он был велик... а мир был мал...

А что там, пустая скважина...

А что там, пустая скважина, посмотри.
Наверно, она у каждого есть внутри.
А может быть, нужно просто найти свой ключ.
А может быть, нужно просто вернуться в дом.
А ветер не затихает и снег колюч.
И все замело кругом, замело кругом.

А просто одно касание, чей-то взгляд.
Сквозь все расстояния, этот туман и дым.
А что там, а что там с днями? Смотри, летяи.
А что там, а что там с нами? Смотри, летим.
И там, среди белых далей, где только снег,
останутся все печали в минувшем дне.

Но сдавит за поворотом опять виски.
И снова уходит кто-то — шаги, шаги.
Сбежать бы и запереться, захлопнуть дверь.
Найти наконец-то место, где нет потерь.
Но время срывает крыши и все замки.
И слышишь, и снова слышишь шаги, шаги.

Пройди, растворишь, усни — я не дам ключа.
Прошу тебя — не сегодня и не сейчас.
Ни завтра, ни через век, будь он трижды лют,
но только не трогай тех, кого я люблю.
Не трогай! Не дам, не выдам, и не моли!..
И вьюга умолкла, и стихли шаги вдали.

Шляпа, море и целая вечность

Человек идет по улице,
на голове его шляпа,
на шляпе птица,
на птице перышки.
В клюве у птицы зернышко.
Человек идет, улыбается,
со всеми здоровается, потом прощается,
разводит руками, просит прощения:
я тут со всякими пусячками, а у вас движение.

А люди идут мимо, а им-то какая разница.
Человек снимает сначала птицу,
затем осторожно снимает шляпу,
а из шляпы море вдруг выливается,
вылетают зонтики, лепестки и листики,
вылетают бабочки и кусты жасмина.
Люди идут, удивляются, но идут мимо.
А кругом уже море, другие картины,
шляпки, вуали, открытые плечи.
И человек говорит: посмотри, любимая,
Я это нес до тебя целую вечность.

Прощание

Просто замри и не выходи из круга, поезд, перрон, далекие голоса... А где-то там, у моря, сидит старуха, но ничего не видят ее глаза, сказка и быль давно погрузились в небыль, книга захлопнулась, ветер на время стих...

В море плывет старик, ловит в невод небо: вот тебе, жено, небо — лети, лети.

А на перроне гулко, почти как в съемке, белыми птицами лица плывут, плывут, вот твое место, снова вторая полка, слышишь, ты слышишь, есть еще пять минут, слышишь?.. Да нет, слова ничего не значат, время их прячет, путает, ловит в сеть... Где-то у моря старуха сидит и плачет, не получается вырваться, улететь.

Так вот влывет зима непонятым, сонным, сумеречным лекарством снегов и сна, белыми станут улицы, дни, перроны... (сколько еще?.. минута, еще одна), что сейчас — вечер, ночь, наступило утро?.. полка вторая сверху, шестой вагон... Слышишь, еще минута, еще минута!.. только минута — более ничего.

Просто закрой глаза и не думай больше, нет, ни о чем, оставь в проходящем дне, поезд вздыхает, вздрагивает тревожно, сердце колотится чаще и все сильнее, ну вот и все... как пусто внутри и глухо, прочь от вокзала, воздуха два глотка...

А где-то там, у моря, сидит старуха, в неводе только небо у старика.

Поэт и половина четвертого

В 15.12 он новую шляпу надел.
В 15.14 шел в направлении трамвая.
В 15.15 придумал два слова на «е»,
каких не бывает.

В 15.16 нащупал в кармане пальто
какой-то листок, вынул, начал читать, удивился,
а в этом листке, а точнее в короткой записке,
два слова: «Ты кто?»

— Пальто, ты не знаешь меня?.. — он спросил огорченно. —
Придется вернуться домой и придумать ответ.
Вернулся, разделся, ну а в половине четвертого
сел на табурет.

И рядом повесил пальто непонятного цвета
и долго смотрел и смотрел на него в тишине
(пальто у поэтов бывают понятного цвета,
бывают и не).

И думал поэт, потерявшись в вопросах и времени,
но только ответить не мог он себе самому:
зачем он, и кто, и откуда, в каком измерении,
и сколько ему.

Я вернулся

Этот путь домой без дорог и знаков,
доставал до неба, катился в яму.
Я в пути совсем разучился плакать —
научи опять меня плакать, мама.
Я летел на дно, пил вино и воду,
сохранил одно, потерял другое.
Я не видел снов, я забыл свой город,
я уже не знал, кто идет за мною.
Я почти ослеп, мерз в пути собакой,
оставляя след на песке у моря.
Мама, я совсем разучился плакать,
покажи мне свет, расскажи мне, кто я.
Я был там, где дождь начинает бредить,
я дрожал, как бомж, под его тамтамы.
Млечный путь в глазах, за спиною ветер...
это я, открой...
я вернулся, мама.

Всё, говорит

— Всё, — говорит, — идите уже, достали.
Ясно уже, чем кончится эта повесть.
Разве что не хватает одной детали —
взять и услатить вас всех за далекий полюс.

Просто послать прицельно и без бумажки,
так, от души, настойчиво и надежно,
так далеко, что и не бывает дальше,
чтобы уже не видеть, не слышать больше.

Чтобы уже с души отвалился камень,
чтобы глядеть, себе самому не веря,
как вы летите дружными косяками
где-то за горизонтом, теряя перья.

Встань и иди (утренняя-запевная)

Да встань уже, говорю себе, поднимись и топай.
Маши руками, звени ключами, рычи мотором.
Так интересней, вперед и с песней, ведь мы пилоты.
На всю катушку, по всю макушку, со всем задором.

Да встань уже, говорю опять, шевелись, зануда.
Сползай с дивана, ползи на выход, потомок Вия.
Моргни очами, блесни речами — ну, с добрым утром.
Ну пусть не с добрым, ну пусть не с утром, о мама мия.

Такое видеть не хватит зренья и всяких нервов.
Ну сколько можно, ну что за рожа — смотреть нет мочи.
Давай-ка, вспомни лихую песню про пионеров.
Ну хватит, взвейся уже кострами, дитя рабочих!

Вставай, зараза! Ползи на кухню, ну хватит охать.
Страна-то встала, и ты за нею — давай, так надо.
О-о-о, повернулась... и потянулась — уже неплохо.
Опять заснула??.
Убиться стулом, упиться ядом.

Ангел луны

А ночью пришел к нему ангел луны,
сидел до утра и баюкал.
И видел ночами он желтые сны,
и круглые, как циферблат.
Висели картины вдоль ветхой стены
с востока и дальнего юга.

А ночью ни звука, а ночи темны,
но ангелы ночью не спят.

А ночью, а ночью, не ведая стен,
не ведая сна и испуга,
а ночью, а ночью, с письмом на хвосте,
с короною на голове
летит разноцветная птица и тень
ее за пределами круга,
идет таитянка, за нею Гоген
с песком золотым в рукаве.

А ночью, а ночью из всех непогод,
из всех плоскостей и наветов
слетаются краски и кисти его
и кружат в предутреннем сне.
И желтый подсолнух по небу плывет
и тянется к вечному лету,
туда, где уже озарен небосвод
и луч преломился в окне.

Про деда Проню

- Что пригорюнился, дед Пронька, седой качаешь головой?..
— Да я тут солнца жду тихонько, а остальным — не до того...

— Да ты не плачешь ли?.. Заметил, что ты какой-то сам не свой...
— А плачут старики да дети, а остальным — не до того...

— Да ты здоров ли, деда Проня, да все ли у тебя путем?..
— Я столько жил, что, видно, помер... но только что теперь о том...

— А хочешь, расскажу про тайну луны и солнечных зеркал?..
— Зачем мне знать, чего не знаю, коль я и так забыл, что знал?..

— А может, кто-нибудь, дед Проня, тебя обидел на беду?..
— Да нешто я обиды помню?.. Дождусь вот солнца и уйду.

Дождик тумкает

Дождик тумкает по крыше, мышь шуршит на чердаке.
Человек из дома вышел с песиком на поводке.

Впереди него канава, сверху — небо, как бетон.
Зонтик — слева, песик — справа, а посередине — он.

И бредут куда-то в стужу — то ли ветер, то ли снег, —
песик хочет строго в лужу, зонтик хочет строго вверх.

Только это ж невозможно, невозможно же никак!..
Человек, немного ежась, держит всех в своих руках.

Полет над гнездом хрущёвок

Простужено, стыло, дрогло,
от пустыря и точки —
до жестяного горла трубы этой водосточной,
от звона твоих трамваев — до темных твоих задворок,
до детских воспоминаний, что тащат меня за ворот
туда, в непосильный ветер, на крышу моей трущобы,
где пахнет дождем и смертью расплывчато и нечетко,
от выброшенных оскалов засохших арбузных корок —
до теплых твоих подвалов, до грубых твоих заборов,
от башен и новостроек — до самой последней ямы,
от памятников героям — до нищих старух у храма,
что просят монет и хлеба, боясь твоих диких танцев,
и греют твои победы в своих заскорузлых пальцах...
от грязных твоих воронок — до звуков твоих мобильных —
я знаю тебя, мой ворон,
мой город,
мой голубь дымный —
я вот он, твой дух дворовый, последний в твоём тумане
полет над гнездом хрущёвок —
незримый, печальный, давний.

Выходи из туннеля

...Кубики разбирая — вот красный с краю, синий посередине — он просто синий,
время сгущает краски и размывает, что там, вдали, в тумане густом и дыме —
дудка, рожок — кому это нынче нужно,
ночью непрочная крепость из двух подушек, утром рваный рисунок забытого танца,
кофе, сердцебиение, шаг в пространство,

там, наверху, — там начало, конец недели?.. — там, наверху (выходи из своих
туннелей!..), там, наверху, белый город, зимою скован, там, наверху, сколько окон
висит без комнат, сколько там льда, сколько вычерченных квадратов, где — никуда,
ни туда, ни сюда, не рядом,

холодно, трудно, скованно, снег за ворот, холодно, рыжий клоун покинул город,
вышли охотники, вот их силки и знаки, слышат рожок и срываются с мест собаки;
снег, не ходи наверх, не влезай под кожу, ловишь ты тех и тех, но меня не сможешь,
круче ступеньки стали, а день короче... кубики, куклы... далее прочерк, прочерк.

... в ночь не идешь, а валишься ей в объятия, всё, приходи в себя уже, хватит, хватит, просто могло быть хуже и до, и после, всё, никого не слушай, дели на восемь, все поезда ушли уже, их не слышно, глубже дыши, выходи уже, выходи же.

Трамваи

Видимо, ничего уже не изменишь, просто уже реальность совсем другая, просто в трамвай садишься, куда-то едешь, вдруг понимая, что в городе нет трамваев, были они в каком-то другом столетье, там, где стояли все мы с другого края, думаешь: ну дались мне трамваи эти!.. думаешь: ну зачем они мне, трамваи?..

Призраки ниоткуда и светотени, солнечный зайчик, вырванные страницы, это довольно странное приключение — там находиться, где незачем находиться (в синее и зеленое, выше, выше, запахи трав и листьев, ветвей круженье, и петушок на палочке рыжий-рыжий, и карусели утром по воскресеньям)...

впрочем, ушел вагон желто-красный, где он, где остановка, надо ли знать нам это.... Надо, мне очень надо, ну что поделать, не все равно мне, правда, куда он едет, не все равно мне, но я уже не вижу, не развернется время, не повторится, и петушок на палочке рыжий-рыжий, солнечный зайчик, вырванная страница.

